

Война. Школьные годы

Я родилась 18 февраля 1935 г. в Архангельске и прожила там все военные годы. В начале войны папа занимался подготовкой к эвакуации музея в Геологическом тресте, где он работал. В октябре 1941 г. скоропостижно умер от разрыва сердца. Так что в эвакуацию мы не уехали. Я осталась с мамой и бабушкой. Город не был оккупирован, но оказался в естественной блокаде, когда замерзло Белое море, а железную дорогу разбомбили. Как сейчас стало известно, Архангельск в те годы находился на втором месте после Ленинграда по числу смертей от голода. Помогла нам выжить энергия моей мамы, менявшей на толкучке все, что только было можно, на хлеб. Почему-то были тогда люди, имевшие излишки хлеба. Помогло то, что мамин брат, кадровый офицер, находившийся всю войну на фронте, прислал аттестат на бабушку. И ее прикрепили к магазину, где все же можно было иногда получить не только хлеб, но и другие продукты по карточкам. В конце войны меня, тяжело болеющую, взяла к себе в дом и этим спасла вернувшаяся из эвакуации наша бывшая квартирная хозяйка М.А. Амосова, по национальности коми. И, конечно, своему спасению Архангельск обязан американским поставкам продовольствия, которое стало поступать летом 1943 г.

А школы всю войну работали, хотя часть их была переоборудована под госпитали. Занятия отменяли только в самые сильные морозы. Мама, преподававшая русский язык и литературу в старших классах, сетовала, что почти каждый год эта отмена совпадает со временем изучения Шекспира и Гёте.

Летом 1945 г. мы с мамой уехали из Архангельска – врачи сказали, что нужно переменить климат, иначе следующую зиму я не переживу. Мы уехали в степную местность. Там, в станице Глазуновской Волгоградской области, я училась в школе. После окончания Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева была распределена на работу в Загорск, на лакокрасочный завод. Потом работала в НИИ лакокрасочных покрытий (Хотьково), НИИ прикладной химии (Загорск). А последние почти 19 лет была старшим научным сотрудником Сергеево-Посадского историко-художественного музея-заповедника. За эти годы мной опубликовано около 50 научных статей, а также выпущено несколько

книг. С августа 2013 г. я на пенсии, но продолжаю заниматься краеведческой работой.

В Хотькове живу с 1958 г.

У меня написаны довольно большие воспоминания о жизни в Архангельске. Сейчас я предлагаю часть из них – то, что помню о школе военных лет.

Война. Школьные годы

Когда началась война, мне было шесть лет. Читать я умела лет с четырех. И еще до войны родители решили учить меня какому-нибудь иностранному языку. Со мной стала заниматься немецким пожилая учительница, работавшая с мамой в одной школе. То, что это было именно до войны, можно установить, что после одного из уроков домашние этой учительницы оживленно обсуждали, как назвать котенка, которого собирались взять. И я приняла в этом участие. Котенка не помню. Может быть, его раздумали брать.

Учительница при мне говорила маме, что мы скоро будем писать ручкой. Запомнилось это необычное для меня выражение – дома говорили «писать пером». Грамматики мы с ней не проходили, но, в общем, учение шло успешно. Какое-то время после начала войны уроки еще продолжались. Потом стало не до того. Мама рассказала дома, что эта немецкая учительница научилась варить студень из сыромятных ремней с добавлением столярного клея.

Через некоторое время мама сказала, что учительница умерла от голода.

Мне было семь лет, когда маме кто-то сказал, что есть место в лагере, можно взять путевку. Мама сомневалась, отпускать ли меня. Я еще дошкольница – тогда учились с восьми лет. И никогда раньше не оставалась без родных. Но все-таки она меня отправила – ведь всего на две недели. Решили вопрос чьи-то слова:

– Там кормят творогом и блинами.

По-моему, ни того, ни другого нам в лагере не давали.

Был август 1942 года. Подошло время возвращаться, но из-за бомбежек детей не разрешили везти из лагеря в город. Здание школы, в которой мы спали, пришлось освободить. Нас поместили в закрытой церкви – в ней сделали два этажа. И вот 1 сентября я пошла в первый класс. Учились мы

вместе с деревенскими ребятами. Сначала учительница больше обращала внимание на правила поведения в классе. Мальчикам она велела или подпоясывать рубашки, или заправлять их в штаны. Помню – недовольна была Гогой, жившим в городе в одном дворе со мной, в доме напротив. Он был не в рубашке, а в курточке, немного длиннее пояса. Когда он ее засовывал в штаны, она тут же вылезала. Подпоясать было вообще невозможно.

Еще мы писали палочки. И на дом учительница задала писать палочки. На следующий день оказалось, что я не выполнила домашнего задания. Почему, и сама не знала. Конечно, не было у меня ни стола, ни стула, чтобы писать. Но дело было даже не в этом. Я как-то не соображала, когда же я должна делать это задание. День пролетел так быстро. И меня учительница еще с несколькими детьми, также провинившимися, оставила в наказание после уроков. Вместо того чтобы писать, я плакала в этом каком-то очень деревянном классе. Настоящее горе. Я ведь не нарочно не сделала урок!

Из лагеря я писала маме письма печатными буквами. И она забеспокоилась – некоторые буквы я стала писать наоборот, например, «я». Пыталась взять меня пораньше, но не получилось. Наконец, детей из лагеря разрешили вернуть. И мама привела меня в первый класс уже в городскую школу. Посадили меня тогда рядом с Тамарой Каракчеевой. Она тоже почему-то была в школе первый день и в тот же день описалась на уроке.

С этой девочкой у меня связано еще одно воспоминание. Ее мама работала в пекарне, так что, как сейчас понимаю, она была по тем временам в гораздо лучшем положении, чем большинство. Должно быть, уже весной 1944-го она однажды принесла в класс подсолнечных семечек. Они тогда только появились на рынке. До войны я их не видела. Тамара дала мне два семечка, крупных, полосатых. Наверное, в память того, что мы когда-то сидели за одной партой. Дала еще кому-то из девочек. И на чью-то просьбу:

–Дай еще!

Ответила:

– Жирно будет!

Зимой мы шли в школу в крошечной темноте: полярная ночь и затемнение. Не видно было ни зги. В одном месте приходилось делать шаг вверх и метра через два шаг вниз. Это значило: прошли ларек, который летом, до войны, торговал морсом. Жителей домов обязывали вычищать тротуары перед своими домами. А у закрытого ларька, видно, не нашли хозяина. Вот перед ним снег никто и не чистил.

Когда в школе не было электричества, первым уроком наша старенькая учительница Зинаида Николаевна устраивала урок устной арифметики: у одного мальчика было 3 морковки, у другого – 2. Сколько всего морковок? Всё почему-то о съедобных предметах были задачки. И вот, сидя в полной темноте, мы никогда не шалили, не шумели. Ко второму или третьему уроку немного светало и начиналось чтение или письмо.

Училась я хорошо. Только за одну работу по чистописанию получила «посредственно». Но мне с большим трудом давалась арифметика. Странно, ведь все остальные разделы математики я в дальнейшем понимала легко. Думаю, что большую часть арифметических задач гораздо легче решать алгебраическими методами. А тогда я билась над задачкой до тех пор, пока не наступал какой-то предел. Бросала на пол задачник, тетрадь ... Все попытки мамы и бабушки помочь отвергала наотрез. Считала, что это будет нечестно. И за всю жизнь так и не воспользовалась ни разу шпаргалкой или подсказкой. Сейчас на этот счет другой взгляд, и родители даже считают себя обязанными делать домашние задания вместе с детьми (или вместо детей).

А арифметика мне в дальнейшем оказалась очень мало нужна. Только первые четыре правила, таблица умножения да правило пропорций.

С первого класса у нас был предмет «военное дело». Мы изучали устройство противогаза и то, какие бывают бомбы. Учительница объясняла: трубка противогаза называется гофрированная. Считая, что такое слово нам трудно запомнить, предложила:

– Говорите: мятая.

И тут кто-то спросил, зачем она такая. Зинаида Николаевна растерялась:

– Ну, тут воздух тоже очищается.

Правильный ответ я узнала только уже в институте.

Во втором классе уже другая учительница велела всем купить себе противогазы. Этот товар я никогда в жизни в продаже не видела. Никто их, конечно, не приобрел. И бывают ли детские противогазы? Жаль, что и в институте, изучая все тот же противогаз, я не узнала этого. Вот о противогазах для лошадей читала. Видеть, правда, не пришлось.

Но страшен был не противогаз, не вбитое в голову: бомбы бывают трех типов: фугасные, зажигательные и осколочные. Страшной была строевая подготовка. Мы, как мне кажется, часами ходили строем в большом, слабо освещенном зале. И все время был страх позора, если по команде

повернешься не через левое, а через правое плечо, или допустишь лишний шаг после команды: «Стой! Ать-два!»).

Уже не в Архангельской школе, а позже уроки физкультуры у нас обычно заменялись военным делом. И еще военное дело в институте – четыре года. Потом какие-то сборы и лекции. И я получила звание лейтенанта запаса. Но что значит равняться на грудь четвертого человека, так и не поняла.

Из тех, с кем училась в первом классе, запомнился почему-то мальчик в вязаной бежевой с красной отделкой кофточке. Он сидел где-то сзади. Помню, что он опоздал, вошел с опухшим от слез лицом и подал учительнице записку. Она прочитала и тихо сказала:

– Иди на место.

Так было не раз. Этих ребят мы ни о чем не расспрашивали.

Кстати, слова «мальчик», «девочка» в Архангельске не были в употреблении. Они встречались только в сладких детских книжках. А в действительности только «парни» и «девки». Пусть ему два года, но он – парень. С парнями можно было драться, можно дразнить их, но разговаривать, тем более, дружить – величайший позор. Может быть, такой суровый и, наверное, давний обычай на Севере объяснялся боязнью ранней любви.

Скоро учительница рассадил нас так, чтобы девочки сидели с мальчиками. Это, чтобы не разговаривали на уроках. И вот в первом классе я бросила вызов общественному мнению – подружилась с Вадимом, которого учительница посадила за одну парту со мной. Мы жили в одном дворе и стали вместе ходить из школы домой. Дразнили нас немилосердно, особенно Тамара, с которой я сидела раньше. Раз, возвращаясь домой, мы случайно ее нагнали. Вадим отдал мне подержать свой портфель и стукнул девчонку по спине. А я подначивала:

– Дай еще, дай еще!

На другой день мы предстали перед учительницей. Она нас ругала и была, конечно, права. Но и я себя чувствовала правой – пусть не дразнится!

С Зинаидой Николаевной связано тяготящее меня до сих пор недоразумение. Как-то через год, когда у нас была уже другая учительница, я встретила на улице Зинаиду Николаевну. Обрадовалась, поздоровалась, чуть ли не за квартал. А она остановила меня и спросила, почему я с ней не здороваюсь. Она не увидела и не услышала моего «Здравствуйте». Я очень огорчилась. С тех пор с людьми, с которыми хочу быть особенно вежливой,

здоровуюсь в два приема: сначала издали наклоняю голову, а подходя ближе, говорю «Здравствуйте».

Со второго класса у нас было раздельное обучение. Милая старенькая Зинаида Николаевна перешла в мужскую школу. А нашей учительницей стала молодая женщина Мария Васильевна. Она ходила по классу в какой-то куртке или шубке из модного тогда ярко-оранжевого меха. Его почему-то звали обезьяним. Вероятно, искусственный мех.

Мы тогда сидели по три человека за партой, потому что часть школ была занята под госпитали. Возникли даже проблемы посещения уборной: трудно было за время перемены всем успеть ею воспользоваться.

В нашем классе, правда, остался один мальчик, сын школьной буфетчицы. Зачем в то время нужна была буфетчица? Дело в том, что нам во время большой перемены давали по 50 граммов хлеба и ложечку сахарного песка. Наверное, буфетчица – я ее никогда не видела – выдавала учительницам эти продукты, а они уже раздавали детям. Во время войны в Архангельске пекли хлеб не только буханками, но и шанежками, и пирожками. Шанежки, такие же темные, как хлеб, отличались только формой, а серые пирожки были с сюрпризом: внутри была или капля раствора соли, или капля разведенного водой повидла. И по внешнему виду узнать было нельзя, что внутри. Так вот эти шанежки и пирожки были по 100 граммов, так что учительница разрезала их пополам. Кусочек хлеба можно было жевать на уроке долго-долго. И во рту становилось сладко.

Какая буря эмоций поднялась во мне, когда через много лет я увидела, как музейный педагог, рассказывая детям о войне, небрежно резала хлеб. И он то и дело падал на пол!

А однажды перед Первым мая вдруг выдали нам по целой плюшке. Белой! И в нее было насыпано три или четыре ложки песка. Я положила это чудо в муфту и принесла домой.

Мария Васильевна провела в классе опрос, где у кого отец. По алфавитному списку выкликала она каждую девочку. Надо было встать и сказать одно слово, чтобы она могла заполнить соответствующую графу. Ответы были: «На фронте», «Убит», «Умер». Рядом со мной посадили тогда девочку Нину. Она ни с кем не разговаривала. На вопрос ответила:

- Погиб.
- Помер, – равнодушно поправила учительница.
- Погиб! – трагически зазвенел голос девочки.

- Помер, – безапелляционно решила Мария Васильевна.
- Я ни о чем не спросила эту девочку.
- Дошла очередь до меня.
- Умер.
- Помер, – привычно поправила учительница.

Электричества по-прежнему часто не было. Но у нас училась дочь электромонтера Зоя Котельникова. Я запомнила ее еще и потому, что на вопрос: «Кем ты хочешь стать?», ответила:

– Поваром!

Учительница обращалась к этой девочке, когда не было света. И Зоя голыми руками соединяла какие-то провода. Свет иногда загорался. Как-то обошлось без несчастного случая.

На переменах мы играли. Чаще всего: «Баба сеяла горох, прыг-скок, прыг-скок...». Кто смотрел довоенный фильм «Подкидыш», помнят эту игру.

А мальчишки, по крайней мере, в 1942 году играли в жостку. Я не встречала в литературе упоминания об этой игре. Жосткой назывался маленький кусочек какого-то тяжелого металла, скорее всего, свинца, с прикрепленным к нему кусочком меха, обычно с длинным ворсом, например, кусочек овчины. Игра заключалась в том, что, стоя на одной ноге, другой подбрасывать и подбрасывать жостку. В школе играли на переменах. И эта игра считалась самым большим преступлением. Учителей обязали отбирать жостки. Замеченных в игре вызывали чуть ли не к директору. Грозили исключением.

У мамы даже скопилась небольшая коллекция жосток, которые она вынуждена была по приказанию начальства отнимать у школьников. Я как-то раз достала из ее стола и попробовала подбросить жостку. Ничего не вышло – нужна была хорошая координация движений. Почему эта игра да еще в такое тяжелое время казалась педагогам врагом номер один? До сих пор не понимаю.

Я была, наверное, во втором классе, когда получила письмо от неизвестного мне бойца, лежавшего в госпитале. Писал он мне так, как писал бы девушке. Особенно напирал на то, что если я хочу узнать, откуда он узнал мой адрес, то должна ему ответить.

Я написала: «Дорогой дядя Петя! Сколько Вы убили фашистов?». И так далее. Получила от него еще одно письмо. Он предположил, что я с ним шучу и настаивал, чтобы написала, «с какого я года».

Добросовестно ответила. Было мне 8 или 9 лет. Спрашивала бабушку:

– Разве он не видит по почерку, что маленькая?

Бабушка сказала:

– Другая барышня еще хуже тебя пишет.

Переписка на этом закончилась. Так я и не узнала, где этот «дядя Петя» взял мой адрес. Может, из подарка? Мы посылали подарки на фронт. Полагалось написать обратный адрес, фамилию и имя.

Иногда, читая о военных годах, я встречаюсь с тем, что боец получил от неизвестной ему девушки плитку шоколада или пачку махорки. Мне кажется это невероятным. Откуда мог быть у нас шоколад или табак? Мы посылали совсем ненужные, как я думаю, вещи, например, вышитый кисет для табака или деревянный лакированный мундштук. Один кисет сохранился у меня до сих пор. Наверное, я заболела и не пришла в школу, когда собирали подарки бойцам.

К какому-то празднику в школе велели выучить стихотворение по собственному выбору, чтобы потом прочитать его на утреннике. В «Пионерской правде» я нашла подходящие, на мой взгляд, стихи и с упоением декламировала их перед бабушкой. В них все время повторялись слова «месть», «мстить». И вдруг бабушка сказала:

– А ведь месть это нехорошее чувство.

Я опешила. Ведь стихи напечатаны в газете! Возразить не умела. Собственно не очень-то и понимала, что такое месть. Но стихи дышали таким пафосом борьбы с врагом! Другие девочки тоже читали «военные» стихи. И только одна – Алла, красивая брюнетка со стрижкой «фокстрот», в пушистой белой шубке, – мы все сидели в классе в пальто – прочитала стихотворение «Бабушкин буфет». В нем говорилось о том, сколько варенья, печенья, конфет в бабушкином буфете. Так неожиданно было это выступление. Гордо, не стесняясь, говорила эта девочка такие «довоенные» стихи, что никто ее не высмеял за неподходящую тематику.

Поэтические достоинства прочитанного мной в тот раз стихотворения были, наверное, не велики. Ведь я не помню из них ни одной строчки, хотя легко могу прочитать и сейчас на память несколько десятков детских стихов, которых не учила, с которыми не выступала, а просто читала.

Но вот вопрос о том, хорошее ли чувство месть, долго беспокоил меня. Помню, что в конце войны мама взволнованно читала бабушке вслух из газеты, что мы пришли в Германию не мстить, что мы не будем разрушать домик Гете в Веймаре и могилу Канта в Кёнигсберге. Привожу эти слова по памяти. Уже взрослой я встретила их еще раз, читая Илью Эренбурга.

Но и сейчас, пожалуй, вопрос о мести я для себя не разрешила.

Елку в школе устраивали обязательно. Порой давали билеты и на елки в других местах. Как-то на зимних каникулах я получила билет в театр. Был какой-то концерт, но что происходило на сцене, не запомнилось. Все представление я переживала резкий ответ гардеробщицы на мой вопрос о том, где получать после спектакля пальто. Восемилетнему ребенку не так было легко сообразить, что надо будет сверить номер на полученном номерке с указанным в каждом отсеке гардероба диапазоном номеров. Этот поход в театр запомнился еще странным случаем. В темноте зрительного зала ко мне подседа незнакомая женщина и шепотом стала меня расспрашивать. Я забеспокоилась, не знала, как от нее отделаться. Повезло: в середине концерта вдруг почему-то одновременно многие зрители встали и поспешили к выходу. Не знаю причины. Но это помогло мне скрыться. Та особа в суматохе меня потеряла.

Наверное, в наше время покажется странным, что детей отпускали одних. И это в темном и очень голодном городе. Но ведь все матери работали. И я не знаю ни одного случая, чтобы тогда ребенка провожали в школу или еще куда-либо.

Однажды на Новый год я, как отличница, получила билет на елку в Клуб водников. Там давали подарки в кулечках из оберточной бумаги. И вдруг объявили, что, что тот, кто выйдет к елке и станцует, споет или расскажет стихотворение, получит еще один такой же подарок. И правда, три или четыре человека вышли, выступили и получили еще кулек. Я была поражена: откуда дополнительные подарки? Ведь все продукты по карточкам. И на Новый год всегда давали по одному подарку.

Но самое интересное было дальше. Нас повели в другую комнату смотреть кино. В то время уже стали приходить в Архангельск американские корабли с продовольствием. Это и спасло город от вымирания. Какая-то женщина представила нам американца. Должно быть, он привез фильм. Мультипликационный фильм на английском. Женщина, вероятно, учительница английского, стала переводить. Фильм был про золотую рыбку, которая жила в аквариуме. Но вот однажды, когда наполняли аквариум свежей водой, рыбка попала в трубу, а затем в море. Ослепительные краски – кораллы, водоросли, морские звезды. И вдруг на нее напала какая-то большая рыба. Сейчас проглотит! И тут рыбка проснулась. Оказывается, она просто заснула в своем гроте из камешков, и все это ей приснилось.

Спасибо тебе, американец. Воспоминание об этом фильме я сохранила на всю жизнь.

Во втором классе был такой случай. У одной из девочек что-то пропало. Какой-нибудь пустяк. Ценного-то у нас ничего не было. Подозрение пало на Лелю С., смуглую, черноволосую школьницу. На перемене девочки проверили ее портфель. Не помню, то ли они велели ей раздеться, то ли она стала раздеваться сама, чтобы снять с себя подозрение.

Она раздевалась и раздевалась. Ведь в классе было холодно, на нас было надето много одежды. Наконец, она стоит босыми ногами на холодном полу. На ней только штанишки, тонкие белые трикотажные штанишки до колен. Сквозь них просвечивает ее смуглое тело. Лелю бьет дрожь. Слышно только ее всхлипывание. Все молчат.

Через много лет в толкучке магазина я, протискиваясь к кассе, ясно увидела, что в моей сумке чья-то рука. Мгновение – рука исчезает. Я успела заметить, что на той женщине ярко-зеленый, модный тогда платок. Могла я схватить ее за руку. Даже когда она вынула руку, могла закричать, схватить за пальто.

Но я не могла этого сделать. Вдруг рука попала в сумку случайно? Или даже не случайно, но женщина не успела взять деньги? Я протиснулась к окну. Разобралась в сумке. Денег не было. Был только ненужный теперь уже чек на новое платье.

Не знаю, удалось ли времени зарубцевать рану в душе Вали С. Но из моей памяти этот случай не изгладится никогда.

В 1943-м, когда было введено раздельное обучение мальчиков и девочек, у нас появился новый предмет – рукоделие. Чему учили мальчиков, не знаю. Рукоделие превратилось в обучение вышиванию. Зачем вышивать!? Еще идет война. Еще голод и холод. Может быть, хотели в преддверии конца войны создать уют в домах? Мебели, украшений для интерьера тогда, должно быть, не выпускали. И мода на вышивки продолжалась довольно долго. Сначала в почете была гладь, потом – ришелье, а в начале 1950-х годов вся Москва вышивала чехлы диванных подушек болгарским крестом. Мода ушла, когда был налажен выпуск тканей, мебели и т. п. Потом она довольно робко возродилась в одежде.

Летом 1945 года я побывала на выставке лучших школьных работ. Выставка проходила в центре города, в здании, где до войны, кажется, был универмаг. Больше всего там было «настенных» вышивок с изображением корзин вычурной формы, переполненных фруктами, ягодами, цветами,

валившимися через край. «Художественная» гладь! Может быть, здесь сказало влияние дурного вкуса немецких открыток и других вещей, приходивших в посылках из Германии?

Меня во втором классе тоже учили вышивать. Ни гладь, ни ришелье я не освоила, но научилась стебельчатому шву и вышивке крестиком. По рисунку учительницы я вышила контур груши желтой ниткой и контур зеленого листка. Края обработала мережкой. Это называлось – салфетка. Учительница сказала, что вышитые салфетки надо вешать дома на стену. И я потребовала повесить это произведение искусства. Мама тактично пыталась отговорить меня, ссылаясь на то, что салфетки по стенам не развешивают.

– Но ведь учительница сказала!..

И я все же добилась, чтобы грушу повесили над обеденным столом. По-моему, мама страдала из-за этого, пока мы не уехали из Архангельска.

Умение вышивать пригодилось мне в начале 1990-х годов. Была я тогда на пенсии по инвалидности, без права работать. Стала вышивать полотенца, салфетки, подушечки для иголок. Сдавала их в художественный салон. В то время в Сергиев Посад приезжало много иностранцев. Немки охотно покупали вышивки.

В начале третьего класса у меня возникла проблема, как изучать новые предметы: историю, географию, естествознание. Учительница не объяснила. Мама на мой вопрос посоветовала подчеркивать при чтении красным карандашом главное. Никто не подсказал естественный способ при изучении этих предметов, по крайней мере, в начальных классах. Я имею в виду пересказ вслух прочитанного материала. Но учиться в третьем классе мне пришлось только две недели. Меня отправили в детский санаторий на три месяца. Попала я туда слабым ребенком. Нас там не учили. Под конец я чем-то сильно отравилась. Маме пришлось везти меня домой на санках – идти я не могла. И началась моя тяжелая, моя смертельная болезнь.

Весной стала выходить из дому, но в школу не пошла. Мама не посылала, а самой мне идти не хотелось. Помнила свое непонимание того, как надо изучать новые предметы. Только старалась не встретиться с девочками из своего класса, когда они возвращались из школы.

Летом 1945 года мы с мамой уехали в Волгоградскую область. Мама добилась увольнения, чтобы спасти меня, переменяя климат. Там она хотела записать меня в третий класс, но директор школы предложила посадить меня в четвертый. Сказала, что если уж ничего не будет понимать, переведем в третий. Учиться я сразу стала хорошо. Мама не раз говорила мне:

– Что ты все учишь? Учись на тройки.
Но я окончила школу с медалью.

**Опубл.: Дети войны – дети Победы. Сборник воспоминаний. Сергиев Посад.
Издательство Ремарко. 2016. Ч. III. С. 177–187.**